
ТЕОРИЯ

Л. Е. ГРИНИН

ГЕНЕЗИС ГОСУДАРСТВА КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ПРОЦЕССА ПЕРЕХОДА ОТ ПЕРВОБЫТНОСТИ К ЦИВИЛИЗАЦИИ

(общий контекст социальной эволюции при
образовании раннего государства)

СОДЕРЖАНИЕ

Введение

Часть 1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОЦИАЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИИ ПРИ ПЕРЕХОДЕ ОТ ПЕРВОБЫТНОСТИ К ЦИВИЛИЗАЦИИ.

Раздел первый. ОБ АНАЛИЗЕ ПОСТПЕРВОБЫТНОСТИ И ПОЛИТОГЕНЕЗА.

**1. Необходимость новой методологии для решения проблем
генезиса раннего государства.**

1. 1. Обоснование проблемы.

1. 2. Политоцентризм и стейтоцентризм.

**2. Некоторые замечания о методологических подходах к ана-
лизу постпервобытности.**

**2. 1. Поиск общего в конкретно-историческом разнообра-
зии.**

2. 2. Механизм перехода к качественно новому.

2. 3. Реализация эволюционных преимуществ.

3. Эволюция и типы раннего государства.

**3. 1. Особенности типологии и классификации политиче-
ских форм.**

3. 2. Догосударственные государства.

3. 3. Неэволюционные и эволюционные государства.
4. Общеэволюционные причины различных постпервобытных процессов.

Раздел второй. ПОСТПЕРВОБЫТНЫЕ ПРОЦЕССЫ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИХ ЕДИНСТВА.

1. Универсальность некоторых процессов.
2. Накопление различных социальных качеств и благ.
3. Концентрация различных социальных качеств и благ.
 3. 1. Некоторые направления концентрации социальных качеств и благ.
 3. 2. Концентрация и специализация.
 3. 3. Концентрация и закрепление определенных качеств, преимуществ и неравенства.
 3. 4. Монополизация как предельный случай концентрации.
 3. 5. Накопление и концентрация как две последовательные фазы развития процессов.
4. Новое в структурировании обществ. Институционализация неравенства.
 4. 1. Условия возникновения и закрепления неравенства.
 4. 2. Некоторые первичные направления развития неравенства и нового структурирования обществ.
 4. 3. Корпоративность как новая форма структурирования общества.
 4. 4. Необходимость в дальнейших переменах в организации обществ.
5. Укрупнение обществ и развитие межобщественных отношений.
6. Дополнительные замечания относительно описанных процессов.

Часть 2. ПОЛИТОГЕНЕЗ И ДРУГИЕ ЭВОЛЮЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ ПОСТПЕРВОБЫТНОСТИ¹.

Часть 3. СТЕЙТОГЕНЕЗ: РАННЕЕ ГОСУДАРСТВО И ДРУГИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ.

¹ В настоящем номере изложение доведено до конца первой части. Продолжение в следующих номерах.

Введение

Данная работа посвящена ряду крайне сложных и дискуссионных вопросов, связанных с политогенезом и ранним государством. Но я посчитал правильным проанализировать их в более широком контексте общих изменений в период постпервобытности. Помимо того, что это само по себе представляет большой интерес, мне кажется, что так будет легче достигнуть и прогресса в решении вопросов о генезисе раннего государства. Другими словами, я шел от более общих проблем к менее общим. Соответственно и данное исследование построено так, чтобы:

1. Выявить общие черты и общий «знаменатель» главных постпервобытных процессов, таких как политогенез, социальная стратификация, урбанизация, рост общественного богатства и имущественного неравенства, формирование цивилизаций, этногенез и других. И в ходе этого анализа сделать некоторые выводы о месте политогенеза среди общего потока изменений при переходе от первобытности к цивилизации.

2. Далее высказать некоторые соображения по поводу соотношения политогенеза с рядом других эволюционных процессов, но уже с каждым в отдельности. Это позволит сделать некоторые выводы о том, какие факторы благоприятствуют, а какие мешают политогенезу.

3. А уже затем остановиться на процессе образования собственно раннего государства как части более широкого процесса политогенеза и сравнить раннее государство с другими аналогичными по функциям политическими образованиями, которые я называю аналогами раннего государства².

Согласно этой методике и сама работа разбита на три части. Однако сложность задач вынуждает меня извиниться за неизбежные повторы.

² По поводу причин введения мной этого термина и характеристики аналогов государства см.: Гринин Л. Е. Формации и цивилизации. Гл. 4 // *Философия и общество*. 1997. № 5. С. 23–42; Гринин Л. Е. Политогенез: генеральная и боковые линии.

Под первобытностью в данной работе понимается только период господства присваивающего хозяйства, а не эпоха вплоть до образования государства. Иными словами, первобытность в моем понимании заканчивается с началом аграрной революции. Чтобы читатель не забывал, что под первобытностью здесь имеется в виду только досельскохозяйственная эпоха, я иногда буду употреблять словосочетание присваивающая первобытность.

Следовательно, постпервобытность – это эпоха, которая начинается с аграрной революцией. Последняя, по разным оценкам, началась 12–10 тыс. лет назад в Палестине, а закончилась лишь ряд тысячелетий спустя. Таким образом, постпервобытность – это длительный период, расположенный между охотничье-собираТЕЛЬскими и государственными обществами. Если пользоваться периодизацией Г. Л. Моргана, постпервобытность – это эпоха варварства, разделяющая дикость и цивилизацию.

Под переходом к цивилизации в данной работе понимается достижение очень важного рубежа эволюции человечества, связанного с появлением религии и культуры нового типа, основанных на письменности³. Первые цивилизации в Египте и Месопотамии обычно датируют концом IV–началом III тыс. до н. э. Но в общеисторическом плане движение обществ к цивилизациям (как и государственности) растянулось на длительный срок.

Часть 1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОЦИАЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИИ ПРИ ПЕРЕХОДЕ ОТ ПЕРВОБЫТНОСТИ К ЦИВИЛИЗАЦИИ

Раздел первый. ОБ АНАЛИЗЕ ПОСТПЕРВОБЫТНОСТИ И ПОЛИТОГЕНЕЗА

1. Необходимость новой методологии для решения некоторых проблем генезиса раннего государства

³ Если читатель помнит, я трактовал цивилизации в традициях Тойнби как устойчивые культурно-религиозные группировки обществ (см. Гринин Л. Е. Формации и цивилизации. Гл. 6 // *Философия и общество*. 1998. № 2–3).

1. 1. Обоснование проблемы

Общеисторические причины начала политогенеза и образования ранних государств связаны с целым комплексом перемен: переходом к производящему хозяйству, ростом населения и его плотности, увеличением прибавочного продукта и борьбой за него, урбанизацией, усилением плотности контактов разного рода между социумами и другими явлениями.

Так или иначе, в тех или иных комбинациях эти моменты отмечались самыми разными учеными⁴. При этом нередко подчеркивается многофакторность политогенеза. И все же фактически явно или неявно большинство исследователей склоняется к односторонним моделям⁵. Наиболее известные из них главный упор делают на потребности в хозяйственной кооперации и обмене услугами между управляющими и управляемыми (Сервис); или на социальных конфликтах и эксплуатации (Фрид); или на демографическом давлении, внешнем окружении и войнах (Карнейро). Есть теории, которые в качестве главной причины формирования институтов управления выдвигают религию, торговлю или что-то иное.

Поэтому вполне можно согласиться с мнением, что пока еще однолинейный взгляд на проблему происхождения государства доминирует⁶. Кроме того, антропологи и археологи постоянно вводят в научный оборот новые данные, которые не укладываются в прежние схемы. В результате

⁴ См, например, Wittfogel K. A. Oriental Despotism; Adams R. The Evolution of Urban Society: Early Mesopotamia and Prehistoric Mexico; Carneiro R. A Theory of the Origin of the State; Fried M.H. The Evolution of Political Society; Fried M.H. The State, the Chicken, and the Egg; or What Came First?; Service E.R. Origins of the State and Civilization. The Process of Cultural Evolution; The Early State / Eds. Claessen H.J.M. & Scalnik P.; The Study of the State / Eds. Claessen H. J.M. & Scalnik P.; Васильев Л. С. Становление политической администрации (от локальной группы охотников-собираателей к протогосударству-чифдом). И многие другие.

⁵ Сервис вообще считал, что все множество теорий возникновения управления (то есть начала политогенеза) можно свести к двум главным типам (с подтипами): конфликтная теория и интегративная теория (Service E.R. Classical and Modern Theories of the Origins of Government. P. 21).

⁶ Крадин Н. Н. Введение. От однолинейного взгляда на происхождение государства к многолинейному. С. 7.

возникает все больше противоречий с односторонними моделями, и проблема генезиса государства запутывается. С одной стороны, возрастает понимание, что каждая точка зрения на происхождение государства имеет свою ценность⁷, с другой – обосновано мнение, что случайный материал истории или этнографии может стать основанием для поддержки или отбрасывания всех позиций в одинаковой степени⁸.

Чем больше я занимаюсь данными проблемами, тем сильнее мое убеждение, что совершенно необходимо изменить методологические подходы к решению этого очень сложного комплекса задач. В значительной мере именно эта сложность и не позволяет вырваться из замкнутого круга. Значит, этот клубок не распутать, если не попытаться разделить проблемы по уровню обобщения и аспекту, по теоретической важности и рангу.

Естественно, что в одной работе можно только поставить такую задачу и попробовать дать некоторые направления решения, а во вступительном ее разделе – лишь предварить некоторые выводы, чтобы заинтересовать читателя.

1. 2. Политоцентризм и стейтоцентризм

Мне думается, что среди исследователей, которые занимаются указанными выше проблемами, на практике преобладает тенденция сужать анализ до «чистой» линии политогенеза. Это совершенно законное стремление ограничить круг исследования, однако, страдает недоучетом того, что, поскольку длительное время политогенез был неразрывен с другими процессами, замыкание только на нем, взятом в отдельности, даже при привлечении массы конкретного материала не дает возможности глубоко решить проблему генезиса государства⁹. Следовательно, для ее решения крайне желательны и иные аспекты. И одним из

⁷ См.: Cohen R. Introduction / Origins of the State. P. 7.

⁸ Cohen R. Op. Cit. P. 8.

⁹ Эволюция государственности «вольно или невольно как бы «изымается» из общего социокультурного контекста, что затрудняет исследование, не позволяя охватить процесс во всем многообразии участвующих в нем компонентов и выявить все существенные для него связи» (История первобытного общества. Эпоха классовообразования. С. 5).

очень продуктивных будет анализ политогенеза и образования раннего государства в общем контексте современных им процессов социальной эволюции.

Нельзя сказать, чтобы такой подход игнорировался¹⁰. Он имел и имеет сторонников. Например, еще в «Раннем государстве»¹¹ «была предпринята попытка вскрыть общие факторы эволюции данного феномена», то есть государства¹². Но, несмотря на заметные успехи в анализе эволюционных факторов и их различных сочетаний, проблема еще далека от решения.

Одна из причин, на мой взгляд, заключается в том, что можно назвать **политоцентризмом**. Вольно или невольно, но получается, что процесс политогенеза становится центральным не только из-за самой постановки проблемы (это то вполне естественно и оправданно), но и как бы фактически центральным среди других современных ему эволюционных процессов. А вот это как раз далеко не всегда справедливо, поскольку нередко политические аспекты усложнения обществ были неглавными (хотя позже могли таковыми и стать).

Следовательно, необходимо уловить эту диалектику изменения роли разных факторов на разных этапах, а также учесть, что их значимость сильно различалась и в зависимости от того, на какой по перспективности ветви эволюции находилось то или иное общество. Но при господствующих сегодня взглядах на роль теории истории, точнее при игнорировании эвристической ценности общеисторических концепций, сделать это затруднительно.

В данном же случае имеется несомненный пробел, который связан с недостаточным анализом проблемы генезиса государства именно как составной части постпервобытного периода социальной эволюции с учетом хода исторического процесса в целом. В результате такого ана-

¹⁰ Советские ученые, в частности, во многом добросовестно пытались исследовать процессы в комплексе. Но тут помехой стали заидеологизированные представления о роли частной собственности в классогенезе и политогенезе.

¹¹ The Early State. The Hague, 1978.

¹² Claessen H.J.M. Problems, Paradoxes, and Prospects of Evolutionism. P. 2.

лиза можно было бы выявить общие черты и характеристики основных постпервобытных процессов. А тогда стали бы яснее общие черты и специфика политогенеза в ряду остальных процессов, а также соотношение общеэволюционных и иных причин появления института государства.

Недостаточное внимание к такому уровню исследования – одна из важнейших причин пробуксовки в течение десятилетий решения проблем раннего государства. Другая причина связана с тем, что часто политогенез фактически делают синонимом более узкого процесса – образования государства. Тогда политоцентризм перерастает в **стейтоцентризм**.

Естественно, что такая незаметная редукция, которая ведет к большой путанице и порочному кругу в логических построениях, недопустима. Во-первых, в политогенезе имелся догосударственный период. Во-вторых, далеко не все общества, которые переросли догосударственный уровень, перешли к собственно раннему государству. Поэтому очень важно учитывать, что различие эволюционных моделей априорно не означает, что общество с неклассической моделью стадияльно отставало от теоретически «эталонного», как видится при однолинейных эволюционных теориях. А в отношении образования государства такой подход не только весьма распространен, но едва ли и не преобладает: негосударственное политическое образование (например, с сильной социальной стратификацией, но без политической централизации) как-то невольно считается догосударственным, а потому стоящим на более низкой ступени развития¹³.

Однако известно множество исторических и этнографических примеров политий, морфологически и по другим

¹³ К счастью, в отечественной и зарубежной науке сложилось направление, которое активно выступает против такого взгляда, заостряя внимание на целом ряде негосударственных политических и социальных форм, стадияльно равных раннему государству. Укажу лишь некоторые работы: *Alternative Pathways to Early State; Civilizational Models of Politogenesis; Alternatives of Social Evolution*. Эти книги изданы также и на русском языке: *Альтернативные пути к ранней государственности; Альтернативные пути к цивилизации*. См. также: *Ранние формы социальной организации*.

признакам существенно отличающихся от раннего государства, но аналогичных ему по функциям и (или) сложности. Следовательно, стадияльно они являются равными ему, и их с полным правом можно назвать **аналогами раннего государства**.

*Поэтому, на мой взгляд, будет очень важным для решения вопросов о генезисе раннего государства, разделить более четко в теории и терминологически: а) политогенез не только как более раннее, но и как более широкое явление; б) собственно образование государства как более узкий и поздний процесс, который можно назвать **стейтогенезом**.*

Само понятие раннего государства дискуссионно. И в российской, и в западной науке до сих пор идут споры вообще о правомерности этого термина¹⁴. Но, мне кажется, часть этой проблемы лежит именно в том, что нет достаточно четкого различения политогенеза и стейтогенеза, недоучитывается разнообразие способов перехода к государству.

Р. Коэн вполне прав, когда пишет: «Теперь становится ясно, что к государству ведет множество путей»¹⁵. Однако это множество путей заключается не только в том, что существует несколько моделей «вертикального» перехода к государству с более низких этапов, а еще и в том, что общество к государству может перейти и «горизонтально», т. е. уже с этапа, стадияльно ему равного. Речь идет о том, что полития в форме аналога государства может трансформироваться в государство на любой стадии своего развития.

Таким образом, нужно, не отказываясь от того, чтобы поставить политогенез в центр проблемы, избрать такой аспект обобщения, который поможет яснее увидеть его место в процессе современной ему социальной эволюции, а также соотношение политогенеза и стейтогенеза.

¹⁴ См.: Кочакова Н. Б. Раннее государство и Африка (аналитический обзор публикаций Международного исследовательского проекта «Раннее государство»). С. 7.

¹⁵ Цит.: Годинер Э. С. Политическая антропология о происхождении государства. С. 63.

2. Некоторые замечания о методологических подходах к анализу постпервобытности

2. 1. Поиск общего в конкретно-историческом разнообразии

Я ни в коей мере не желаю игнорировать бесконечное разнообразие постпервобытных обществ и процессов и стремлюсь выделить общее не для того, чтобы в очередной раз попытаться навязать конкретике общую схему. Напротив, **общее выделяется, чтобы объяснить и, так сказать, теоретически узаконить разнообразие** как важнейший механизм эволюции. Наличие общего предполагает не то, что все социумы развиваются по одного типу, а, напротив, то, что **переход к новым более перспективным формам и отношениям невозможен без достаточного разнообразия** как предшествующих, так и параллельных им форм.

Рассматриваемая эпоха обладает очень большой спецификой. Ведь коллективы все еще оставались небольшими, а сферы жизни и многие институты синкретичными. По сравнению с охотничье-собирательским периодом примитивные сельскохозяйственные общества выглядят большими. Но все же и для постпервобытности одна из основных характеристик заключается, образно говоря, **в разреженности** социального бытия в целом и многих его атрибутов в частности. И в философском смысле содержание данной эпохи и заключалось в замене разреженной социальной субстанции на более плотную. Однако это происходило очень медленно и далеко не во всех сферах.

Нужно было пройти еще несколько этапов дифференциации и синтеза, поиска и отбраковки, всевозможных трансформаций, переходов и комбинаций, чтобы создалась нужная плотность социальной среды и межобщественных контактов. И лишь потом могли появиться достаточно зрелые и одновременно эволюционно перспективные формы.

Но раз это период поисков, трансформаций и переходов, значит, многие явления, институты и отношения постпервобытных обществ **являются сходными в том плане, что они есть ответ, реакция разных обществ на**

задачи, которые в эволюционном плане имеют глубинное сходство или единство.

Конечно, в связи с различной географической и социальной средой, бóльшим или меньшим изобилием и населенностью, предшествующими особенностями и различными случайностями и многим другим эти ответы неизбежно были разными. Общество с ранними условиями, естественно, не похоже на общество, интегрированное вокруг сакрального центра или на военизированные объединения племен во главе с военным предводителем, равно как последние могут отличаться от торговой городской общины или иных вариантов. Но во всех этих и многих других случаях есть и сходства, которые определяются, в частности, тем, что перед социумами возникала объективная задача найти новые способы структурирования, объединения, оформления неравенства, установления межобщественных отношений.

Такой взгляд позволяет сделать важные выводы и в отношении политогенеза. В частности утверждать, что усложнение социальной структуры, эксплуатация соседей и войны, развитие торговли, имущественного неравенства и частной собственности, усиление роли религиозных культов и корпораций и другое длительное время могли быть достаточной альтернативой собственно административно-политическим решениям вышеуказанной эволюционной задачи. И даже когда появилось раннее государство, оно первоначально оставалось лишь одной из форм новой организации общества и межобщественных отношений, которой еще предстояла долгая конкуренция с другими формами.

2. 2. Механизм перехода к качественно новому

По пути от первобытности к достаточно зрелой цивилизованности и государственности было много этапов и подэтапов развития, и на каждом из них можно увидеть отпочкование каких-то новых направлений, соперничество и одновременно синтез новых форм. Поэтому линии развития вовсе не прямые, а ломаные и путанные. Например, раннему

государству совсем не обязательно предшествует вождество. Государство может образоваться на основе трансформации или объединения разных политических форм, и, напротив, вождества могут оказаться неспособными вовсе перерасти в государство.

На пути к новому нет никакой заданности, кроме того, что есть потребность в поиске решений на усложняющиеся или новые задачи. Эволюционно же правильный ответ находится весьма нескоро. При движении от более низких к качественно более высоким формам эволюция как бы создает веер возможностей, множество переходных форм. Стадиально они равноправны. Но в плане перспективности большинство из них обречено исчезнуть часто вовсе без заметного следа. Поэтому при анализе прошлого создается обманчивое впечатление появления сразу зрелых готовых форм¹⁶.

На самом деле сначала должны были создаться определенная межобщественная среда с плотными контактами и появиться нужное видовое разнообразие. И тогда среди него (и еще путем взаимодействия) возникнут первичные перспективные варианты, которые обычно заменяются уже иными, более удачными. И этот процесс заполнения ниш, территорий, создания каналов контактов и прочего был нескоро. Поэтому постпервобытный период занимает столь длительную эпоху. Нельзя было просто перейти от коллективов в сотни людей к обществам, насчитывающим сотни тысяч и миллионы жителей.

2. 3. Реализация эволюционных преимуществ

Итак, только в таком разнообразии и при длительных контактах могло появиться что-то особое, эволюционно перспективное. Ведь лишь незначительное **меньшинство** ответов на вызов было способно стать источником качественных прогрессивных изменений на длительный срок. Но когда такие моменты и институты выделяются, они способны перестроить все в систему. Среди наиболее важных – государство.

¹⁶ Это одни из самых любимых мыслей П. Тейяра де Шардена.

Но длительное время такие возможности государства не проявлялись либо проявлялись неполностью. Поэтому нет ничего удивительного в том, что «хотя возникновение РГ (раннего государства. – Л. Г.) имело далеко идущие последствия в социально-политической сфере, другие социальные институты, например, организация системы родства или же экономика, развивались по другим эволюционным траекториям, то есть налицо была так называемая дифференциальная эволюция, пользуясь выражением Карнейро»¹⁷. Но, если учесть, что раннее государство по своей сути не могло еще существенно изменить все отношения, а влияло только на некоторые из них, станет понятно, что «дифференциальная эволюция» совершенно естественна для раннего государства, а в ряде отношений и для зрелого. Только отдельные государства древности были тотальными, а в других всегда были сектора, которые развивались по своим траекториям.

Кроме того, надо иметь в виду, что эволюционно удачные и перспективные формы вовсе не обязательно были более удачными и в конкретно-исторической обстановке. Напротив, часто долгое время могло быть по-иному. Поэтому только на длительных временных отрезках становится видным, как и почему более прогрессивные формы все же постепенно побеждали, а менее прогрессивные выбраковывались и уничтожались, хотя в отдельных местах по разным причинам могли сохраняться.

И это также объясняет длительность постпервобытного развития: даже когда эволюционно перспективная форма была найдена, требовался еще большой инкубационный период и **особые условия**, чтобы эта форма доказала свои преимущества и чтобы последние **могли быть перенесены на иные места и ситуации**. Невозможность заимствования и переноса достижений препятствуют развитию потенциально перспективных форм. Следовательно, должны были появиться какие-то дополнительные новации, которые по-

¹⁷ Кочакова Н. Б. Раннее государство и Африка. С. 10.

могли бы этим преимуществам проявиться в новых, чем они возникли, условиях. Но это могло случиться нескоро.

В отношении же государства в тех или иных регионах нужны были самые различные факторы: технические, технологические, правовые, культурные, чтобы компенсировать недостаток плодородия почвы, численности населения, богатства, особой комбинации сакральных и политических моментов, которые имелись в ирригационных государствах в долинах больших рек. В частности, в Европе до появления металлов развитие государственности задерживалось.

Таким образом, возникновение перспективных форм, институтов, отношений, с одной стороны, объясняется внутренним развитием, но с другой – всегда результат того, что в наличии имеется достаточно иных форм, эволюционные удачи и неудачи которых и подготовили, наконец, удачный вариант.

Стоит также обратить внимание на условность деления процессов на внутренние и внешние. На протяжении всей постпервобытности и много позже общества укрупнялись и этот процесс (с откатами) шел постоянно. Поэтому некоторые, казалось бы, внешние вещи (войны, торговля и прочее) при ином ракурсе становятся внутренними, подготовительными процессами к образованию более крупных социальных организмов.

3. Эволюция и типы раннего государства

3.1. Особенности типологии политических форм

Рассмотрев философские и методологические аспекты проблемы, мы можем применить отдельные идеи к анализу эволюции государства, в частности, обратить внимание на особенности подхода к типологии ранних государств и иных политий.

Выбор принципа и основания типологии зависит от объема материала и поставленных научных задач. А это значит, что универсальных типологий нет и быть не может. И невозможно для всех случаев обойтись одной единственной. Следовательно, недопустимо подменять одну типоло-

гию другой, поскольку каждая из них имеет свою сферу применения и ценность¹⁸.

В данном разделе речь пойдет об **эволюционной** типологии, то есть такой, которая увязывается с ходом и наиболее перспективными линиями общечеловеческой эволюции. Здесь очень важно учитывать, что развитие человечества несводимо к сумме составляющих его обществ, а также то, что социальная эволюция идет не по одному, а по ряду направлений, которые сильно отличаются по своей перспективности и значимости для всемирно-исторического процесса¹⁹. Неучет этого важнейшего методологического момента в отношении типологии политических форм ведет либо к подгонке всех обществ под уже теоретически охарактеризованные образцы, либо – напротив – к тому, что открывается бесчисленное множество разных типов (по принципу сколько обществ – столько и типов).

Эволюционная типология имеет отличия от обычной, когда объекты делятся на группы по каким-то признакам, например величине. Она отличается и от типологии, которая показывает стадии роста политических организмов. Например, в известной книге выделялись типы раннего государства: зародышевое (или зачаточное), типичное, переходное²⁰. Такой подход (для ряда задач очень продуктивный) тем не менее предполагает почти обязательный ход событий. При эволюционном же отборе далеко не все общества способны шагнуть с нижней ступеньки на более высокую.

¹⁸ Правда, теперь столь многие ученые «полагают, что типы препятствуют познанию нового и являются непродуктивными», что исследователям, которые несогласны с таким нигилизмом, приходится, как и Паулу Уосону, делать шаг назад и вставать на защиту «принципиальной пригодности» типологии (см. Wason P. K. *Social Types and the Limits of Typological Thinking in Social Archaeology*. P. 19).

¹⁹ О причинах, необходимости и методике четкого разграничения моделей мирового развития в целом и развития отдельного общества как разных качественных объектов я много говорил в другой работе (см. Гринин Л. Е. *Формации и цивилизации*. Гл. 5 // *Философия и общество*, 1998. № 1).

²⁰ *The Early State –The Hague*, 1978. P. 589, 640.

Для эволюционной типологии самое главное: 1. Обозначить крупные эволюционные качественные стадии развития 2. Внутри этих крупных ступеней выделить типы по их эволюционной перспективности.

Если мы ограничимся только первой из двух задач, то столкнемся с еще одним, также весьма важным видом типологии, который позволяет установить стадияльное равенство различных политических форм по их функциям, но без учета их эволюционной перспективности. В этом случае мы можем утверждать принципиальное равенство как раннегосударственных, так и аналоговых им форм. Именно для таких целей мной вводилось понятие «аналогов государства». Но это положение не будет безусловным. Ведь если необходимо установить место и роль данного типа политики в общечеловеческой эволюции, уже нельзя считать все стадияльно равные политические или социальные организмы равноправными и эволюционно, а нужно обязательно учитывать их роль в будущем. И здесь мы обязаны признать первенство как раз государственных форм.

Однако же и среди последних имеются очень большие различия именно по их эволюционной перспективности. Об этом и пойдет далее речь. Мне думается, что подобное разграничение, оформленное в типологию, способно убраться некоторые трудности, в том числе и при решении всегда важных задач: к какому типу отнести данную политику.

3. 2. Догосударственные государства

Поскольку политогенез начинается задолго до появления института раннего государства, постольку в нем, естественно, нужно обозначить догосударственную стадию. В этой стадии, которая заняла тысячелетия, можно выделить последний – предгосударственный – этап, также весьма длительный. Он является переходным к раннегосударственной стадии. А общества переходных периодов всегда содержат в себе различные элементы будущего, только эти новации еще не сложились в систему, которая откроет начало важных качественных перемен.

На этом этапе сосуществовали самые разнообразные политические образования. Среди этой пестроты можно увидеть и политии, с одной стороны (например, по их размерам и ретроспективности), относящиеся все еще к догосударственной стадии, а с другой – морфологически и функционально весьма напоминающие государство. Чаще всего они образуются как крупные поселения, «города», где возникает высокая плотность населения и за счет несельскохозяйственной деятельности значительное и ликвидное богатство.

Примерами таких образований могут служить Новгород и другие города восточных славян до образования Древнерусского государства; ряд греческих территорий гомеровского периода; вероятно, этрусские города, хотя их политический строй известен только в самых общих чертах, и многие другие.

Здесь возникает коллизия двух возможных типологий. По морфологическим и функциональным признакам такие города совсем не так легко отграничить от обществ, которые мы определенно считаем городами-государствами²¹. Но по их размерам, способности к качественным переменам и другому они, очевидно, относятся еще к догосударственной стадии вообще. Как быть? Если их не считать государствами, тогда затрудняется различение государственных и догосударственных форм. Если считать, тогда

²¹ Правда, есть точка зрения, согласно которой и многие города-государства, включая даже Афины периода расцвета и позже, не были государствами, а являлись «безгосударственными обществами», поскольку там «право на использование насилия не монополизировалось правительством или правящим классом», и в полисе «не было готового государственного аппарата». (Berent M. *The Stateless Polis: the Early State and the Ancient Greek Community*. P. 225). Но мы рассмотрим этот подход в следующих частях работы.

Тем не менее можно сравнить по эволюционному динамизму греческие и этрусские города. Первые смогли быстро создать военно-политический союз против Персии, а после победы над ней политическая жизнь Эллады вращалась вокруг борьбы двух крупных военно-политических объединений: Афинского морского и Пелопонесского союзов. Этрусские же города, хотя и имели федерацию, но она была «преимущественно религиозным союзом» (см.: История древнего мира. С. 379). И даже при римской угрозе этот союз не стал военно-политическим, что и явилось важнейшей причиной потери Этрурией независимости.

стирается грань между важнейшими рубежами политогенеза. Наилучшим выходом, на мой взгляд, будет определить такие политии, как **догосударственные** государства, хотя это и звучит парадоксально.

Чтобы такой подход стал понятнее, можно использовать следующую аналогию. В развитии сельского хозяйства при его переходе от примитивного к развитому и интенсивному в эволюционном плане важнейшую роль сыграл переход к ирригационному хозяйству в районах больших рек.

Однако если бы мы задались проблемой типологии сельского хозяйства по его интенсивности и с учетом метода его ведения, то столкнулись бы с трудностями. Ведь задолго до Нила, Тигра и Евфрата и параллельно с ними ирригацией занимались в самых разных местах, но в гораздо меньших объемах. Куда отнести такие хозяйства: к примитивному или интенсивному хозяйству? Мы не можем их включить в стадию интенсивного сельского хозяйства, потому что демографические и социальные результаты у них принципиально иные, чем в Египте и Междуречье. Но не можем и игнорировать сходство в методах ведения земледелия. Таким образом, перед нами ирригационные хозяйства, но в эволюционном плане это «доирригационная ирригация», то есть ирригация, которую надо относить к примитивному сельскому хозяйству и которая принципиально не отличается от иных его неразвитых форм. Это всего лишь особый вид, а не новая ступень в эволюции земледелия.

Точно так же дело обстоит и в политогенезе. Среди массы форм последнего (предгосударственного) этапа его догосударственной стадии появились и образования, весьма напоминавшие государство. Но они не были стадийно отличными от других типов политий этого этапа. Не являлись они также и основной эволюционной формой для образования ранних государств. Напротив, негосударственные государства очень часто либо застывают в развитии, либо деградируют, чем подтверждают мысль известного авторитета в области социологии и политологии Африки

П. Ллойда «неоднократно повторяемую в последующих томах проекта РГ: эволюция государства идет, по-видимому, по нескольким путям: подавляющее большинство путей эволюции никогда не приводили к формированию государства»²².

Я думаю, что таких **догосударственных** государств было немало и до и особенно после появления первых цивилизаций. Поэтому, хотя такие политии можно относить к государствам (как в примере с ирригацией), но не стоит ждать, что они «поведут» себя так, как это делали государства следующей – раннегосударственной стадии.

Догосударственные государства – это политии, которые возникают в особых нишах и условиях, и обычно они не являются станциями на пути к более развитым образованиям. Переход в раннегосударственную стадию требует особых внешних к ним условий, поскольку они уже достигли предела возможного развития за счет внутренних потенций. Если имеется группа таких политий, то более развитые формы могут появиться уже как надстройка над ними за счет их добровольного объединения или завоевания одной политией других. Нередко в роли объединителя выступает и вовсе иноземная сила²³.

Наличие таких негосударственных государств аналогично ситуации с некапиталистическим капитализмом. Известно, что ряд исследователей в конце XIX начале XX веков пытались доказать, что в античности был капитализм. С точки зрения, что капитализм – это крупное денежное хозяйство (ростовщики, откупщики, крупные денежные обороты), они были правы. Такой капитализм в отдельные периоды античности, действительно, существовал²⁴. Но он был совсем иным, чем в Западной Европе, прежде всего

²² Кочакова Н. Б. Ук. Соч. С. 19.

²³ Гораздо реже трансформация догосударственного государства в полноценное государство совершается за счет собственного внутреннего развития, как это было в Афинах и некоторых других греческих государствах. Но и этот рост шел во многом благодаря постоянным войнам и быстрому росту населения, поскольку все же для государства нужен определенный объем.

²⁴ И такой капитализм находили даже в Междуречье.

стадиально. В то же время античный капитализм, отличаясь по ряду признаков от строя, который условно можно назвать азиатским (или государственным) способом производства, стадиально был ему равен. Следовательно, и описанные выше политии можно считать государствами, но особого низкого уровня, которые с точки зрения эволюции не отличаются принципиально от иных форм догосударственных образований.

3. 3. Неэволюционные и эволюционные государства

В раннегосударственной стадии политогенеза ранние государства по их способности к развитию можно разделить на три типа. Первый из них следует назвать **неэволюционным государством**, поскольку эти общества развиваются очень замедленно. Примеров таких неэволюционных ранних государств много, особенно в Африке. Одной из самых важных причин их существования является географическое положение и ограниченность возможностей создавать и хранить достаточный объем прибавочного продукта²⁵. Но, кроме того, есть много иных, в том числе чисто исторических и культурных причин, которые порой «определяющим образом воздействуют на выявление эволюционного потенциала общества, пределов его эволюционного продвижения»²⁶. Это могут быть уже и достаточно крупные по территории и населению политии. Однако неэволюционные государства еще могут трансформироваться в иные политические формы²⁷.

Часто вызывает большие трудности или дискуссии вопрос, можно ли их отнести к государствам, или это вообще догосударственные формы, или же какие-то альтернативные государству. Это относится, например, к политиям в Африке южнее Сахары, в которых сакральная сторона

²⁵ В этом смысле сильно различались зерновое и клубневое растениеводство.

²⁶ Бондаренко Д. М. Теория цивилизаций и динамика исторического процесса в доколониальной тропической Африке. С. 15.

²⁷ См, например: Коротаев А. В. От государства к вожеству? От вожества к племени? С. 224–302. См. также статью Трепавлова с характерным названием «Ногайская альтернатива: от государства к вожеству и обратно» (Трепавлов V.V. The Nogay alternative: from state to a chiefdom and backwards. P. 144–151).

оставалась более важной, чем административная. Мне думается, определение подобных образований как неэволюционных государств способно частично снять спорные моменты.

Таким образом, эволюционный динамизм свойственен далеко не всем ранним государствам. Отсюда крайне важный вывод: **эволюционные преимущества государства проявляются не сами по себе, не просто потому, что появились первичные государственные институты, а в увязке с некоторыми иными условиями.**

Первым таким исторически возникшим условием было создание высокопродуктивного и широкомасштабного ирригационного хозяйства. В результате стал аккумулироваться и перераспределяться гигантский по тем временам излишек благ, а численность населения превзошла все мыслимые рамки. Позже, когда появились новые возможности для реализации потенций государства порог «требований» к величине природного изобилия и численности населения снизился. Где-то такие условия были связаны с развитием плужного земледелия и металлургии, где-то – с усовершенствованием морского транспорта и ростом торговли. Нередко решающим было развитие военной техники и приемов ведения войны. Важнейшую роль могли играть заимствования (например, письменности, правовых систем, развитых религий), которые облегчались по мере роста контактов. Роль этих и иных факторов была различной в зависимости от экологии, исторических особенностей и всемирной эпохи.

Но если нужных условий не было либо они исчезали, сам по себе факт появления ранних государственных форм не давал такого эффекта развития, который наблюдался в других случаях. И напротив, наличие упомянутых условий само по себе автоматически не вело к появлению государственных институтов. Причинно-следственная связь в конкретных условиях может не быть столь ясной, как формула: появление объективных условий – возникновение государства. Такая связь верна только в самом общем виде. При

попытках приложить эту схему к более конкретным обстоятельствам выясняется ее недостаточность. Ведь и появление каких-то удачных зачатков государственности, из которых может вырасти государство, и наличие нужных условий для этого – и то и другое способно возникнуть по отдельности и не дать известного по позднейшей истории эффекта.

Подобно тому как зерно самого лучшего сорта может не прорасти в плохих почвах или дать очень скудный урожай, а самая лучшая почва без зерна останется целинной, так и в описываемом случае две стороны процесса могли не совпадать. Для того чтобы они соединились, нужны были особые, даже исключительные обстоятельства. И поэтому процесс шел столь долго и столь выборочно. Но чем больше появлялось государств, тем легче рождалось каждое новое.

Таким образом, надо различать сами факт и момент сложения административно-политических институтов и отношений, с одной стороны, и наличие иных условий, нужных для обретения ранним государством необходимого эволюционного динамизма, – с другой.

Следующим типом раннего государства является **слабозволюционный**. Развитие этих политий шло хотя и медленно, но все же быстрее, чем описанных выше. Этому могли способствовать какие-то важные заимствования, например, принятие иноземной религии, как это было, скажем, в Эфиопии и отдельных африканских странах, ставших исламскими. Но даже и они демонстрируют поразительную отсталость в некоторых формах государственного управления²⁸. Однако у таких политий больше шансов, чем у неэволюционных, превратиться из зачаточного государства в более или менее сформировавшееся.

²⁸ Например, в Эфиопии очень долго (до конца XVII в.) не применялись печати для передачи сообщений наместникам, поскольку все передавалось устно, через гонцов. Но и посылка печати еще не означала, что эфиопский царь посылал наместнику именно грамоту. Вполне возможно, что « посылал он ему даже не грамоту, а лишь отгиск своей печати в знак того, что все сказанное гонцом говорится от царского имени» (Чернецов С. Б. Влияние урбанизации на развитие эфиопской сфрагистики. С. 50).

Эволюционным типом раннего государства можно считать такое, которое начинает быстро развиваться в политическом, административном и (или) правовом отношении и постепенно становится двигателем общественного развития или важнейшим условием такого развития. **У государств этого типа появляется возможность со временем перейти в разряд зрелых.** Примеры таких государств Древняя Русь, Англия, Япония и множество других.

Таким образом, условно можно говорить о следующих эволюционных типах раннего государства:

1. Догосударственное.

Далее появляются уже раннегосударственные формы. Они, в свою очередь, делятся на государства: а) неэволюционное; б) слабоэволюционное; в) эволюционное.

4. Общеэволюционные причины различных постпервобытных процессов

Общий эволюционный контекст постпервобытности связан с мощными сдвигами, вызванными переходом от присваивающих форм хозяйства к производящим. Но как уже указывалось в другой работе²⁹, сходные изменения происходили и в районах высшего присваивающего хозяйства. Таким образом, единство процессов определялось не только тем, что аграрная революция открыла эпоху глубочайших перемен. Если брать шире, **основа единства заключалась в увеличении богатства и численности обществ.** Но высшие охотники и собиратели с точки зрения эволюции – это тупиковые направления, а перед сельскохозяйственными обществами возможности открылись необычайные. Поэтому можно считать, что с аграрной революцией существенно меняется сам алгоритм социальной эволюции, поскольку значительно трансформируются ее движущие силы.

Изменения, начавшиеся с аграрной революцией, растянулись на тысячелетия и проходили весьма неодинаково.

²⁹ См.: Гринин Л. Е. Формации и цивилизации // Философия и общество. 2000. № 1. С. 69–71.

Однако в общем плане можно выделить наиболее важные и универсальные результаты, которые обусловили постпервобытное развитие. И хотя все они достаточно известны, однако стоит их систематизировать.

1. Рост населения, его плотности и образование зон компактного поселения (густонаселенных районов). Стали появляться места с плотностью населения, сравнимой с периодом цивилизаций и даже более поздним. Таким образом, в некоторых случаях возникала критическая масса плотности.

2. В целом можно говорить о том, что возросла оседлость населения, что способствовало росту богатств и началу объединения поселений в более или менее сложные системы. Однако в то же время возникают гораздо более мощные, чем раньше, миграционные потоки. Но и простая диффузия населения была значительной. Поэтому многие места заселялись, что называется, с бору по сосенке. А это способствовало новациям. Все это вело к сильному перемешиванию населения в некоторых районах.

3. Появление определенного и достаточно регулярного излишка благ, который – что важно – можно было концентрировать, хранить, перемещать и отчуждать. Во многих обществах такой излишек все более заметно превращался в престижные блага, товары, сокровища.

4. Увеличение размеров и сложности обществ, а также плотности и сложности отношений между членами, группами и частями социума. Это развитие идет как за счет внутренних факторов, так и внешних, включая интеграцию, объединение и завоевание. Очень часто развитие внешних контактов и было объективно ведущим, так как требовались новые ответы на непривычные вызовы. Но, как уже отмечалось, когда говорится о внутренних и внешних процессах, очень важно иметь в виду, что масштабы обществ росли и то, что было внешним, на самом деле – с эволюционной точки зрения – готовило поле для укрупнения обществ.

5. Рост сложности и увеличение плотности контактов разного рода между социумами и т. п. в результате увели-

чения территории культурной ойкумены, потребности в интеграции и появления новых форм неравномерности в развитии обществ по сравнению с охотничье-собираательским периодом. Создаются отдельные зоны плотного размещения передовых, с новыми формами организации, обществ, которые соперничают между собой.

б. Рост объема информации, знаний и культурных представлений как в связи с внутренними процессами, так и в результате культурного обмена.

Можно сделать вывод, что в связи с увеличением численности населения, количества благ и усложнением их распределения, ростом объемов обществ и плотности контактов внутри них и между ними идет как бы **накопление** и, образно говоря, **сгущение (или концентрация)** ряда социальных характеристик, качеств, свойств. И к этому мы подробно вернемся чуть позже.

Поэтому старые способы структурирования обществ, взаимоотношений между его членами и старые способы установления контактов между обществами уже не могли решить всех задач, возникающих перед растущими социумами. Значит, **в качестве общеэволюционной стояла задача поиска оформления какого-то нового порядка, новых форм и способов организации и структурирования обществ и новых форм контактов между обществами.**

Совершенно естественно, что длительное время ведущими оставались развитие и гипертрофия тех тенденций и институтов, которые уже проявились ранее. Таковы, например, престижная экономика, которая способствовала расширению зоны хозяйственных и обменных контактов, и структурирование общества по половозрастным признакам.

Раздел второй. ПОСТПЕРВОБЫТНЫЕ ПРОЦЕССЫ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИХ ЕДИНСТВА

1. Универсальность некоторых процессов

Сразу подчеркну, что я вовсе не ставлю целью дать полную характеристику социальной эволюции постпервобытного периода. В данном разделе мне хотелось бы пока-

зять, что даже очень разнообразные процессы имеют некоторые аспекты единства, которое частью основывается на синкретичности постпервобытных явлений, а частью – на указанной выше эволюционной задаче **поиска новых форм и способов организации обществ**, которая неизбежно должна была решаться, хотя и по-разному, при переходе от присваивающей первобытности к цивилизации.

Таким образом, я рассматриваю только те процессы, которые способствуют или прямо ведут к качественным переменам. Их можно представить в виде **универсальных процессов**, являющихся составной частью многих других постпервобытных процессов.

Некоторые из них давно признаны именно в таком качестве (или даже как универсальные законы развития), в частности дифференциация, специализация, интеграция, которым я, естественно, придаю огромное значение. Но, помимо них, есть и другие, столь же универсальные и не менее важные процессы. Однако в таком значении они обделены вниманием. Именно этим процессам в данном разделе я уделяю основное внимание. Их анализ позволяет понять ход постпервобытности намного глубже, а также яснее увидеть, в чем единство и сходство ее главных составляющих.

То, что описанные ниже процессы: накопление, концентрация, укрупнение обществ и другие – являются универсальными, несомненно³⁰. Так, какие бы изменения мы ни брали, в них всегда присутствует **накопление** неких качеств и благ. И если накопление продолжается, оно обязательно переходит в их **концентрацию**. Какие бы перемены ни происходили, они неизбежно влияют на структуру варварского общества, прямо или косвенно влияя на его **переструктуризацию**. Какие бы процессы мы ни рассматривали: социогенез, политогенез, этногенез, торговлю, войны, культурно-религиозные контакты, – они не только ведут к внутренним изменениям, но и способствуют **процессу укрупнения обществ**.

³⁰ Эти процессы, конечно, относятся и к другим этапам эволюции, но с учетом темы работы я не акцентирую на этом внимание.

Универсальность этих и других процессов облегчает понимание механизмов того, как явления, казалось бы, разных сфер превращаются друг в друга, как синтезируются и дифференцируются разные вещи, как и почему они дополняют или исключают друг друга. Но то, что какие-то процессы универсальны, вовсе не значит, что они всегда и везде являются главными. Это лишь означает, что можно обнаружить сходства у разных вещей, хотя значение общего будет сильно колебаться. Однако – и это весьма важно – можно установить, как зависит развитие общества от большего или меньшего присутствия выявленных качеств и характеристик в тех или иных процессах.

2. Накопление различных социальных качеств и благ

Для разворачивания всех постпервобытных процессов исключительно важно было формирование **тенденции осознанного и устойчивого стремления социума в целом, отдельных его слоев, а также и индивидов к накоплению благ и преимуществ в самой разной форме**. Без такого стремления, конечно, в каждом обществе ограниченного и однобокого, не могло быть ни государственности, ни цивилизации, ни развитых ремесла, торговли, мореплавания, военного дела.

Способность к накоплению и его интенсивность очень сильно колебались, так как зависели от природной среды и направленности хозяйства, плотности контактов с окружающими обществами, степени оседлости и от другого. Поэтому у тех или иных народов имелись лишь отдельные направления накопления или в каких-то сферах оно шло заметно больше, чем в других. Но очень важно, что **накопление одних качеств вело за собой изменение других, что процессы перетекали друг в друга и видоизменяли один другой**.

В принципе накапливаться может все³¹. Но естественно, что некоторые вещи имели жесткий предел накопления,

³¹ Даже имена. У индейцев «осэдж список имен собственных, принадлежащих кланам и субкланам, столь длинен... что занимает 42 страницы размером кварто» (Леви-Строс К. Первобытное мышление. С. 249).

а накопление других могло не иметь важного значения. При этом сами эти качества и блага могут относиться только к обществу или даже группе обществ (например, этничность); к обществу в целом и к отдельным его слоям и лицам (контакты, богатство, власть, сакральность и идеология); к отдельным группам или лицам (статус, престиж).

Таким образом, в обществах накапливались не только материальные блага и знания, но и социальные характеристики и качества: власть, престиж, родовитость, этничность и многое другое. Что понимается под их накоплением. Накопление – это увеличение распространенности, важности и ценности какого-то качества или блага (в широком смысле слова); это также, фигурально говоря, повышение плотности этого качества или в иных случаях его отделенности от других.

Возьмем, например, этничность. Как она может накапливаться? Во-первых, путем увеличения числа людей и групп, имеющих общие (сходные) язык, религию, культуру, ценности и достаточно интенсивные связи между собой. Во-вторых, путем нарастания над малой локальной общностью некоего надлокального уровня, когда члены многих поселений и групп начинают идентифицировать себя с определенной большой общностью. Следовательно, появляется некое этническое общественное сознание. В-третьих, накапливается отделенность от других этнических групп и создается этническая граница. И по мере того как она появляется, усиливается накопление общих (уже не имеющих в каждой локальной группе, как язык) этнических моментов и символов: общих культа, праздников, мифов, иногда общего сакрального правителя и т. п.

Конечно, кое-что подобное можно увидеть и у охотников-собирателей, но в аграрных обществах это охватывает уже не сотни, а тысячи и десятки тысяч людей. В результате количество переходит в качество и начинают рождаться самые примитивные этносы.

Кратко рассмотрим некоторые виды накопления.

Накопление материальных благ и богатства характерно для большинства постпервобытных обществ, где это позволяли природные условия и где общества выработали соответствующие способы. Накопление благ означает появление регулярного прибавочного продукта, которому справедливо придают столь большое значение. Но особенно важно, когда накопление благ переходит в накопление богатства. Оно чаще всего связывается с престижными благами, в которых как бы аккумулируется большое количество обычных.

Без накопления обычных и престижных благ никакие процессы качественного развития общества всерьез идти не могли. Когда возможности накопления (и концентрации) благ становились исключительно большими, как это произошло в ирригационных обществах речных долин Ближнего Востока, возникал особый эффект быстрых качественных изменений.

Накопление престижных благ ведет к росту престижной экономики, обмену, специализации. Тем самым **накапливаются профессиональные навыки и знания** у ремесленников, торговцев, мореплавателей и т. п. Оно также способствовало **накоплению военного искусства**, с помощью которого эти блага можно было присвоить.

Было немало обществ, где **накапливалась родовитость**. С возникновением предкового рода, с увеличением значения, придаваемого предкам, с развитием их культура этот процесс становился нередко одним из важнейших.

В любых обществах, уже и в первобытных, но особенно там, где появляется престижная экономика, начинает **накапливаться престиж и соответственно статус**. Когда общества разрастаются, а сила традиций ослабляется (а это бывает нередко) появляется возможность для проявления инициативы и реализации стремлений и желаний, которые либо сдерживались, либо не имели сферы приложения. При этом с точки зрения морали многие вещи могут быть весьма неприглядными, что обостряет взаимоотношения в обществе и столкновение интересов.

Но так или иначе это позволяет накопиться переменам и выделиться более инициативным (хотя и не всегда более моральным) людям, которые стремятся «конвертировать» полученные блага и престиж в более высокий статус. Это также обостряет соперничество, в ходе которого люди и коллективы стремились получить преимущества любого рода и объема. Соответственно шло **накопление прав, преимуществ и привилегий**. Поэтому, перефразируя Маркса, эпоху, когда неравенство только закладывается, когда оно еще не приняло жесткие формы, можно назвать **эпохой первоначального накопления неравенства**. В эту эпоху постепенно создавался фундамент будущего институционализованного неравенства. Главные его линии складывались, естественно, вокруг власти, почета, распределения благ, статуса и т. п.

В любых обществах **накапливались знания и религиозность**. И это накопление было одним из важнейших и одним из самых древнейших. Ведь если долго хранить материальные блага охотники не могли, то знания передавались от поколения к поколению. Стоит отметить и накопление центров поклонения сверхъестественным силам, поскольку с появлением культа предков фактически в каждом домохозяйстве создается свой алтарь. Появляются также личные духи-покровители и ряд других вещей.

Но в общественном сознании накапливались не только религиозные или практические знания. Чтобы произошли какие-то серьезные перемены – а постпервобытность богата всевозможными социальными, политическими и идеологическими переворотами – нужно было, естественно, чтобы **в сознании** значительной части социума **накопилось ощущение желательности перемен** или, напротив, вредности уже прошедших или готовящихся изменений.

3. Концентрация различных социальных качеств и благ

Таким образом, накопление – обязательная часть любых постпервобытных процессов, поскольку без него не может

быть изменений. Однако для появления нового качества накопление должно перейти в концентрацию. И в целом процесс перехода от первобытности к цивилизации неразрывно связан с **концентрацией определенного рода социальных качеств и благ** в широком смысле слова.

Приведенные ниже замечания о разных формах и видах концентрации благ и качеств не призваны представить этот процесс сколько-нибудь полно. Помимо того, чтобы высказать несколько соображений, которые могут быть интересны читателю и позволяют предварить некоторые дальнейшие выводы, мне хотелось прежде всего показать, что эта сторона постпервобытности (как и накопление и другие), действительно, универсальна. И некоторые, казалось бы, известные выводы под таким углом исследования неожиданно приобретают более глубокий смысл.

Кроме того, важно обратить внимание, что как в отношении просто накопления, так и в отношении концентрации качеств и благ, имеется их сцепленность, то есть некоторые их виды притягивают к себе другие (так власть очень часто притягивает богатство и престижность), но может быть и несовместимость. Одни моменты способны заменять другие. Например, недостаточная плотность населения может компенсироваться большей плотностью контактов.

3. 1. Некоторые направления концентрации социальных качеств и благ

О **концентрации власти** мы будем говорить во второй части.

Концентрация населения была исключительно важной, так как без его достаточной численности и плотности многие процессы просто невозможны. Концентрация населения сверхобычного неизбежно вела к появлению новых форм управления и самоуправления, возникновения крупных населенных пунктов. Концентрация населения и богатства тесно связаны между собой. Причем не только в плане того, сколько людей способна прокормить территория, но и в смысле стягивания населения в определенные места.

Концентрация богатства и неравенства. Как и концентрация населения, это вполне понятный процесс, подробно на котором останавливаться сейчас нет смысла. Богатство концентрируется в виде общего, корпоративного (отдельных родов или групп) и личного достояния. И между этими тремя формами может быть сильный антагонизм. Тесно связана с концентрацией богатства **концентрация ремесла и торговли.**

Общеизвестно, что концентрация богатства так или иначе влияет на все важнейшие процессы в обществе, включая закрепление социального неравенства. Достаточно часто именно от величины взносов, выкупов, приданого и зависел статус человека и его детей. Нередко, как и на Тробрианских островах, богатство являлось не только обязательным атрибутом социального ранга, но и непременным условием положительной характеристики самого человека³².

Концентрация неравенства была связана с усложнением обществ и накоплением у некоторых людей и групп большого авторитета и престижа. Переход накопления неравенства в стадию его концентрации означал успешность попыток закрепить некоторые преимущества за определенными людьми и их родственниками, за какими-то группами. Неформальный статус постепенно переходит в формальный, которому как бы по рангу положен авторитет, престиж и различные блага в количестве, намного большем, чем у остальной массы. А когда и этот процесс достигает достаточного развития, происходит своего рода поляризация. На одном полюсе концентрируются престижные и выгодные права и обязанности, на другом – малочетные права и более неприятные обязанности.

Концентрация религиозности и особой сакральной силы. В разных обществах концентрация религиозности шла по-разному. В некоторых случаях это выражалось в приписывании особой сакральной (и одновременно магиче-

³² См. Sahlins M. D. Political Power and the Economy in Primitive Society. P. 405.

ской) силы отдельным людям и вещам, а иногда и отдельным общественным слоям³³. Например, в Африке сакральность правителя часто связывалась с представлениями о его исключительных возможностях поддерживать плодородие страны. Такие верования имели важное значение для развития африканских обществ, в том числе и процесса образования там государств. В Полинезии и Меланезии широкое распространение получили идеи о некоей силе (мана), которая была особо свойственна вождям. Эти представления прочно связаны с убеждениями в способности таких людей наложить запрет на любые предмет или действия (табу).

В других обществах появлялись и особые слои общества (волхвы, друиды, маги), которые в некоторых случаях превращались в замкнутые сословия, вроде брахманов. В последнем случае у таких сословий концентрировались целые религиозно-философско-мифологические пласты (вроде древнеиндийских вед). Концентрация религиозности могла проходить и в виде появления особого типа пророков (святых), яркие образы которых даны, например, в Библии. С концентрацией религиозности неразрывно связана и **концентрация знаний** вообще.

Концентрация контактов была из одной из важнейших характеристик **постпервобытности**. Контакты при накоплении могли давать совершенно неожиданный эффект. В зависимости от их видов и других характеристик они могли превращать определенные места в аккумулятор благ, богатства или контроля, в своего рода магнит, который становился центром области или всей политики, тем самым структурируя общества на центр и периферию. Контакты могли восполнять недостаточность населения или иных ресурсов. Особая плотность контактов и связанные с этим возможности передвижения и транспортировки в определенной мере объясняют особенности развития неко-

³³Стоит отметить, что по поводу разграничения религии и магии, равно как и по поводу толкования понятия сакрального, нет единого мнения (см., например, Малиновский Б. Магия и религия. С. 509–534; Рэдклифф-Браун А. Табу. С. 421–438; Фрезер Дж. Типы магии. С. 486–509).

торых обществ и ход у них политогенеза. Это в первую очередь касается морских и кочевых народов как более мобильных и в определенной мере «механизированных».

Концентрация сил, усилий и ресурсов. Концентрация сил и усилий в масштабах группы обществ была важна для подготовки как интеграции таких обществ, так и появления у них общих центров (например, сакральных), которые становились иногда важнейшими центрами объединения. В ряде случаев, как возможно в Месопотамии, появление храмов предшествовало появлению городов³⁴.

Для создания таких сакральных мест требовалось очень много труда и времени, а также и координация усилий, что способствовало выделению управленцев и интеллектуалов. Примеров таких громадных трудозатрат множество³⁵. В некоторых случаях вообще непонятна технология работ. До сих пор идут споры, например, о том, каким образом удалось древним жителям Англии положить друг на друга гигантские камни в Стоунхендже³⁶.

Но концентрация усилий и ресурсов гораздо более широкое явление, чем только строительство сакральных мест. Огромных усилий требовало возведение оборонительных сооружений, первые из которых (Иерихон в Палестине) начали создаваться 9–10 тыс. лет назад. Невозможно переоценить для процесса политогенеза объединение военной силы разных социумов. Важнейшее значение для появления первых цивилизаций имело совместное создание каналов и других хозяйственных объектов.

³⁴ См. об этом: История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. С. 111.

³⁵ «...Олмекский храмовый центр Ла Вента в Мезоамерике расположен на острове, территория которого могла прокормить при существовавшей тогда системе подсечно-огневого земледелия лишь 30 семей. Однако трудовые затраты на возведение всего комплекса оценены американскими исследователями в 18 000 человеко-дней. Совершенно ясно, что Ла Вента – это культовый центр целого союза общин, располагавшегося на окружающей, довольно значительной территории» (Массон В. М. Первые цивилизации. С. 9).

³⁶ Такие сооружения являлись как бы прологом более позднему «драматическому расцвету монументальной общественной архитектуры», по образному выражению Джонатана Хааса (Haas J. The Roads to Statehood. P. 18).

Урбанизация как особая форма концентрации

«...Все очевидней становится необходимость поиска новых подходов и выработки концептуальных позиций в оценке «города» как явления исторического процесса, в которых «город» должен быть определен в структуре самого культурно-исторического процесса, в связи и в рамках процессов цивилизации и урбанизации»³⁷. Не ставя себе целью сколько-нибудь глубоко разрабатывать проблему города, тем не менее я могу заметить, что урбанизация прекрасно вписывается в идею представить накопление и концентрацию как универсальные процессы постпервобытности.

Город вообще можно рассматривать как комплексную концентрацию: географическую, социальную, политическую, сакральную различных качеств, ресурсов и благ³⁸.

Вообще концентрация означает, образно говоря, собирание социального вещества в определенные крупинки и ядра. В некоторых же случаях, когда общество готово к серьезным структурным переменам, даже небольшие скопления становятся той песчинкой, вокруг которой формируется жемчужина. Выделяющиеся по каким-нибудь признакам поселения прекрасно подходили для такой роли. Какой-нибудь бург или святилище при благоприятных условиях вырастают в крупный город или религиозный центр.

3. 2. Концентрация и специализация

Концентрация тесно связана и со специализацией. Это особенно заметно в городских поселениях, где специализация приобретает зримый вид концов и улиц. Но в любом случае накопление, тем более концентрация предполагают усложнение, а, следовательно, трудности в управлении и распоряжении накопленным. Это вместе с усложнением некоторых других сторон ведет к специализации и, как следствие, к переменам в общественной структуре. Услож-

³⁷ Город как социокультурное явление исторического процесса. Введение. С. 6.

³⁸ «Город непосредственно выступает как территориальная концентрация множества разнородных форм деятельности» (Ахизер А. С. Город – фокус урбанизационного процесса. С. 23).

нение создает также нужду в профессиональных администраторах, военачальниках, жрецах.

Специализация тесно связана со всеми сторонами жизни. Она становится одной из заметных причин появления и закрепления неравенства, поскольку разные занятия имеют разную доходность, престижность и доступность³⁹. В результате специализации, особенно в ремесле и религиозной деятельности, возникают закрытые группы (касты, сословия). Некоторых ремесленников (особенно кузнецов) считали колдунами. Еще большее почтение своими связями со сверхъестественными силами внушали специалисты в области религии и политики.

Все это говорит о том, что процессы были очень синкретичными и легко перетекали друг в друга. Социальное в профессиональное и наоборот, сакральное в политическое и наоборот, имущественное в социальное, политическое и социальное в имущественное. Стоит также обратить внимание, что даже в государственную эпоху «специализированная деятельность еще часто связана с общинными формами организации (например, большесемейные специализированные общины III–II тыс. до н. э. в Месопотамии)»⁴⁰.

3. 3. Концентрация и закрепление определенных качеств, преимуществ и неравенства

Процесс концентрации на определенной стадии становится кумулятивным, то есть расширяется и сам себя подпитывает. Например, если статус и богатство взаимосвязаны, то одно притягивает другое. Как говорится: «Деньги к деньгам...». Если быть в сильной корпорации становится все престижнее, то число ее членов постоянно растет.

Концентрация тех или иных моментов логически завершается институционализацией ситуации, при которой эти качества, характеристики и блага прочно закрепляются

³⁹ Даже многие ремесла весьма часто становились преимущественным занятием знати, что усиливало ее превосходство. Позже, правда, она полностью перешла на управление, войну и религию.

⁴⁰ Сайко Э. В. Город как особый организм и фактор ... С. 17.

за определенными слоями или группами. Сказанное в полной мере относится к концентрации неравенства. Оно имело практически повсеместно, хотя и в самых разных формах и в неодинаковой степени. Неравенство было всегда, но долго не принимало форм, которые бы закрепляли его по наследству. Теперь же в ряде случаев оно прочно закрепляется именно таким способом.

Для закрепления, как и для образования неравенства, могло сгодиться все, что угодно, важно, чтобы в обществе была потребность в этом, чтобы хотя бы часть людей стремилась к нему⁴¹. Но когда неравенство закрепилось, прежде неважные вещи становятся исключительно важными. И поэтому именно в периодах, в которых только закладывались возможности для будущей стратификации общества, его политического устройства, идеологии, находятся корни многих исторических особенностей государств и цивилизаций.

Известно много способов закрепления неравенства: традиция, религиозные требования, военные поражения, первопоселение, имущественное расслоение, наследование привилегий и видов деятельности, получение должностей и другое. Все это требует особого анализа, который позже я надеюсь сделать. Сейчас же хочу обратить внимание еще на один из таких способов.

Тут надо заметить, что любая форма закрепления неравенства должна более или менее четко оформляться в общественном сознании. И чем более концептуальным и полным является такое оформление, чем шире оно используется для объяснения не только отдельных сторон жизни, но и всего ее хода и вообще принципов устройства мира, тем важнее этот способ. В этом смысле рассмотренный ниже механизм, который я бы назвал **прин-**

⁴¹ Например, у бороро Южной Америки имена собственные кажутся принадлежащими определенным кланам либо даже сильным линиям. Считаются «бедными» те, кто в обретении имени зависят от доброй воли других кланов» (Левин-Строс К. Ук. соч. С. 250). Иногда для создания признаков неравенства еще в детстве изменяли анатомические признаки, например форму черепа или ноги.

ципом переноса качеств является очень важным и распространенным.

Принцип переноса качеств касается широкого круга важных в общественном мнении, социальном и личном плане качеств и признаков. Это могут быть как реальные, так и ирреальные качества (например, сверхъестественные способности). Но важно, чтобы их существование считалось в общественном мнении реальным. Общество признает правомерным, а нередко и вообще единственным способом приобретения подобных качеств переход их от одного владельца к другому. Такой переход в представлении постпервобытных людей достигался как бы путем переноса указанных качеств от тех, кто ими обладал или обладает, на соприкасающихся определенным образом с ними людей.

Принцип переноса качеств можно увидеть и в религии (в том числе в связи с сакральностью правителя), и в представлениях о последствиях контактов с выдающимся или, напротив, презираемым человеком (в Индии, как известно, существовала каста неприкасаемых), и в массе обычаев, и во многом другом. Возникают целые идеологии такого переноса качеств. В частности о мана – особого рода силе, которая имеется во всем, но концентрируется лишь в отдельных людях (прежде всего в вождях), делает их гораздо могущественнее и удачливее, чем остальных, и передается определенным образом.

Такие воззрения создавали важные основания для появления особого статуса у некоторых людей, родов, групп. Правда, нередко такие люди и в самом деле отличались своими способностями⁴².

Тип соприкосновения с обладателем важного качества мог быть самым разным: обучение, личные или опосредованные контакты, заявление владельца о передаче качества, посвящение в члены тайного общества, какие-то магиче-

⁴² «Легко предположить, что люди, обладающие такими качествами, чаще других добивались успеха, за что бы ни брались. И действительно, наблюдения показывают, что в туземных обществах магия и выдающиеся личные качества всегда присутствуют рядом» (Малиновский Б. Ук. соч. С. 521).

ские действия, иногда даже покупка-продажа. Были и весьма своеобразные понятия о возможностях такого переноса качеств. Например, в Меланезии и на Новой Гвинее считалось, что свойства убитого перейдут к его убийце, если он съест некоторые органы врага или особо обработает голову трупа.

Но наиболее естественной формой переноса выступали родственные отношения. Такой подход идеологически хорошо объяснял преимущества определенных линий или семей, передающих «благородство» и особые качества из поколения в поколение. Этому способствовало и то, что многие качества характера, действительно, наследуются.

Возможно, что в какой-то мере переход от беспредкового к предковому роду связан с попытками закрепить преимущества с помощью этой идеи. Чем ближе кто-либо был к выдающемуся человеку, тем больше он мог претендовать на обладание особыми качествами и соответственно на особый статус⁴³. Идея переноса определенных качеств могла способствовать кое-где и переходу линии от отца к сыну, равно как и появлению наследственных должностей.

Поскольку описанные представления были широко распространены, исследователи много писали о них. Но, насколько мне известно, в качестве универсального механизма развития социальности принцип переноса качеств не выдвигался.

3. 4. Монополизация как предельный случай концентрации

Концентрация власти, престижа и другого ведет к попыткам, иногда успешным, монополизации определенных благ, деятельности, качеств (например, святости). Едва ли не древнейшей из всех стала монополизация магических знаний⁴⁴. Чем удачнее можно было что-либо монополизировать, тем выше это благо (свойство) могло цениться. И чем дефицитнее было некое качество, тем скорее оно переходило к указанной роли монополии.

⁴³ Хочу обратить внимание, что и сегодня общество не чуждо такому взгляду.

⁴⁴ По этому поводу см.: Artemova O.Y. Initial Phases of Politogenesis. P. 55.

Монополизация касалась и чисто мужских занятий. При этом «чем глубже оказывалась специализация труда, тем с большей силой проявлялась тенденция к монополизации таких видов труда мужчинами, причем даже в районах, где у этносов с менее выраженной специализацией эти работы делали женщины»⁴⁵. Стремление к монополизации занятий было распространено и в ремесле. «Понимая те выгоды, которые несло ремесло в период интенсивного развития обмена и престижной экономики, *знатные семьи почти повсюду стремились его монополизировать*, что и приводило к сложению ремесленных каст, и прежде всего металлургов»⁴⁶.

Сакральность и власть являлись важнейшими и очень привлекательными объектами для монополизации. Но длительное время особенно удобной для монополизации была родовитость. Это означало одновременно и процесс обесценивания значимости родовой линии у остальной массы. Родовитость становилась привилегией только отдельных знатных родов, семей, людей. Так, на Гавайях у вождей были очень длинные родословные, зато у простонародья «генеалогии были короткими, удаляясь назад только до поколения дедов»⁴⁷.

3. 5. Накопление и концентрация как две последовательные фазы развития процессов

Весьма интересно рассмотреть накопление и концентрацию как две последовательные стадии в разворачивании различных постпервобытных процессов. Первая стадия – накопление – ведет к утверждению определенных моментов в обществе. Правда, на этом уровне оно может так и застрять. Но если накопление продолжается, то начинается вторая фаза – концентрации качеств. В результате определенные отношения становятся достаточно зрелыми и могут институционализироваться. Если общество не останавлива-

⁴⁵ История первобытного общества. Эпоха классового образования. С. 90.

⁴⁶ История первобытного общества. Эпоха классового образования. С. 93 (курсив мой. – Л. Г.).

⁴⁷ Earle T. K. Hawaiian Islands (AD 800-1824) P. 80.

ется в развитии, то описанный цикл может начаться вновь но, естественно, уже на более высоком уровне, поскольку накапливаться начнут уже иные качества.

Переход накопления в стадию концентрации начинается, когда социальное пространство перенасыщено определенными свойствами. Иногда такой переход количества свойств в новое качество напоминает, образно говоря, процесс кристаллизации раствора. Сказанное может относиться к социальной стратификации, созданию иерархической структуры общества, системе поселений⁴⁸ и многому другому. Продолжая сравнение, можно сказать, что в результате процесса кристаллизации иногда создается такая прочная кристаллическая решетка, что общество застывает в развитии.

4. Новое в структурировании обществ. Институционализация неравенства

Практически любой постпервобытный процесс можно рассматривать с точки зрения изменения структуры общества и (или) подготовки к укрупнению обществ. На первых этапах объективно необходимо было создать новую структуру пока еще небольших постпервобытных обществ. В дальнейшем она – в связи с институционализацией неравенства и возникновением иерархически организованных обществ – становилась как бы низовым структурным звеном более крупных социальных организмов.

4.1. Условия возникновения и закрепления неравенства

Неравенство, как сказано, возникало по самым разным основаниям. Но в эпоху «первоначального накопления неравенства», когда открывались возможности для проявления инициативы и личных качеств, в большинстве случаев

⁴⁸ Урбанизационная среда «является тем социальным бульоном, в котором кристаллизуются в большей или меньшей степени в зависимости от ее насыщенности (а отсюда разная степень и характер выраженности и развитость их) городские элементы и структуры» (Сайко Э. В. Город как особый организм ...С. 13).

необходимо было, чтобы люди или группы достигли каких-то очевидных успехов или обладали необычными способностями и умениями. Успех, везение, победа служили (как и сегодня) объектом зависти, уважения, оправдания и поклонения. Вероятно, и для того времени годилась бы поговорка: «Победителей не судят». А поскольку люди той эпохи нередко были стихийными кальвинистами, то, подобно этим протестантам, считали, что необычные успехи человека обнаруживают его особую отмеченность высшими силами.

Иными словами, если человек или группа могли достичь существенно большего, чем другие, то это часто объяснялось тем, что они не просто обладают редкими и ценными способностями, а что такие возможности даются людям сверхъестественными силами. Такие представления могли внушать страх и покорность, которые облегчали возможность приобретения людьми или группами особого статуса.

Однако почему именно в этот период возникает сильная необходимость для так или иначе выделившихся людей и групп закрепить эти преимущества и неравенство (в том числе и в сфере управления)? При всей сложности вопроса кратко можно было бы сказать, что этому способствовало:

- усложнение обществ;
- потребность в координации и интеграции обществ, где всегда кто-то выдвигается в лидеры. Очень важным при этом был процесс возникновения должностей как институтов общества взамен временных руководителей для определенных дел;
- постпервобытное общество жило категориями традиций, а традиция – это жесткое закрепление чего-либо, хотя бы и неравенства;
- постоянное соперничество вредило всем и становилось источником расколов. Поэтому в каких-то обществах могли пойти по пути закрепления статус-кво, т. е. неравенства, которое фактически уже было, чтобы сохранить хотя бы худой мир.

В условиях неустойчивости даже небольшие перемены могут стать началом серьезных трансформаций. Но для того чтобы всерьез закрепить какие-то преимущества, просто личных усилий было недостаточно. Нужна была система или хотя бы некоторые механизмы закрепления. Они могли выработаться только когда имелись коллективы (корпорации), заинтересованные в этом и способные постоянно поддерживать соперничество за престиж. Удобным способом стала передача имущества по наследству. Но еще удобнее было **закрепить особый статус или должности** за определенной группой, чтобы гарантировать себя от случайностей борьбы. И если обстоятельства оказывались благоприятными, родовые и иные коллективы могли этим пользоваться. Происходила институционализация различий, благодаря чему «люди уже лично не выстраивали свою власть над другими, они [просто] приходили к власти»⁴⁹, а также к престижу, высокому статусу и богатству.

Таким образом, можно сказать, что если для возникновения неравенства большее значение могли иметь личные качества отдельных индивидов, то для прочного их закрепления бóльшую роль играла уже деятельность групп.

Обстоятельствами, которые наиболее благоприятствовали такому закреплению в рамках одного социума были: а) узурпация каких-то должностей; б) обладание какими-то секретами; в) обладание бóльшими, чем у других ресурсами или контроль над ними; г) создание идеологических преимуществ и освящение с помощью религии и идеологии порядка, базирующегося на неравенстве. И если все это выступало в комплексе, то возникала очень прочная система, основанная на неравенстве, но не требующая специального аппарата принуждения. Великолепные примеры этому можно найти в Полинезии. Но между социумами неравенство очень часто закреплялось именно силой или угрозой ее применения.

⁴⁹ Sahlins M. Stone Age Economics. Chicago, 1972. P. 139.

4. 2. Некоторые первичные направления развития неравенства и нового структурирования обществ

Сначала – и это совершенно естественно – стали усложняться и наполняться добавочным смыслом старые деления. Но следует иметь в виду, что усиление неравенства и изменение структуры очень взаимосвязаны.

Во-первых, нужно отметить развитие полового неравенства. Если в первобытных обществах оно было лишь у отдельных социумов (особенно у австралийцев), то у раннеземледельческих и скотоводческих народов приниженное положение женщин и многоженство стали очень распространенным. И если брать шире, то почти повсюду усилилась поляризация полов, а с этим увеличилась и сложность всех отношений, связанных с браком. Поляризация полов выливалась в повсеместное появление мужских (а нередко и женских домов), соперничеством между семьей (женской стороной) и родовой группой (мужской стороной), дележом детей, изменением правил наследования и родства.

Во-вторых, надо отметить, что усложнение обществ было связано с увеличением количества возрастных слоев. Молодежи стало больше, и разновозрастные группы детей и юношей сменились более близкими по возрасту группами молодых людей, вместе проходивших инициации. Этот своего рода «призыв» часто сохранял тесные дружеские связи на всю жизнь. Могла быть и формальная система таких возрастных групп. Подобные объединения юношей нередко составляли ударную силу всякого рода рейдов и набегов, «поскольку умелое пользование оружием, любовь к приключениям и желание получить добычу – привилегия молодежи»⁵⁰. Но спаянные группы молодых людей могли использоваться и для поддержания порядка внутри общества, позже для создания гвардии правителя, как это было, например, в политике Куба (бассейн Конго)⁵¹. Таким обра-

⁵⁰ Эванс-Причард Э. Э. Нуэры. Описание способов жизнеобеспечения и политических институтов одного из нилотских народов. С. 220.

⁵¹ См.: Львова Э. С. Складывание эксплуатации и ранней государственности у народов бассейна Конго. С. 161.

зом, возникал своего рода зачаточный аппарат принуждения.

Третье направление усложнения обществ – это развитие и усложнение родового и родственного деления. Но не следует думать, что речь идет только о привычном понятии «род». В разных обществах формы и способы объединения людей в родовые, семейно-родовые и семейные группы могли быть очень различными. Здесь вполне можно согласиться с О. Ю. Артемовой в том, что надо различать родство как повсеместный структурообразующий принцип ранних стадий эволюции и формы реализации этого принципа, которые столь разнообразны, что «не могут быть собраны «под одной крышей» и нуждаются в весьма дробной классификации, а также многочисленных дополнительных названиях», поскольку не только понятие род, но другие: клан, линидж, сиб, рэмидж, септ и иные уже не соответствуют содержанию фактического материала⁵².

Но родственное деление, естественно, не могло решить указанной выше эволюционной задачи – создания новых форм организации общества, которое необходимо было структурировать уже по собственно социальным признакам. Поэтому в одних случаях родовые связи постепенно становились менее важными за счет перехода от родовых групп к соседским поселениям. В других – родственное структурирование само превращалось в разновидность социального неравенства либо служило опорой для него. Так было, например, при монополизации родovitости или узурпации определенными родами важнейших функций.

Новые виды структурирования и неравенства были весьма разнообразными. Складывались системы более и менее выдающихся родов, полноправных и неполноправных коллективов, первопоселенцев и новопоселенцев из разных родов и кланов (патрициев и плебеев первобытности) и другие. В целом возникала структура общества, делящегося на меньшинство (знать, элиту) и большинство

⁵² Артемова О. Ю. В очередной раз о теории «родового быта» и об «австралийской контрверзе». С. 47.

(рядовых людей). Но это усложнялось наличием совсем бесправных людей (рабов), имущественно выделяющихся людей, но лишенных формального статуса и других групп.

Еще одно направление нового структурирования связано с имущественным неравенством. В результате соперничества в рамках престижной экономики появлялись предприимчивые люди, накапливающие значительное богатство и авторитет (вроде меланезийских бигменов). В некоторых случаях имущественное неравенство позволяло возвышаться отдельным родам, семьям и группам. Но к богатству стремились, естественно, и иные выделяющиеся люди: руководители, военные вожди, религиозные деятели, аристократы. У них, благодаря опоре на группы и организации, было даже больше возможностей, чем у тогдашних «предпринимателей». Ведь богатство создавалось не только торговлей, но и за счет распоряжения общими запасами и коллективным трудом, благодаря удачным набегам и другому.

Поэтому имущественные различия сами по себе, особенно если они касались только движимого имущества, не могли стать ведущим эволюционным направлением социальной стратификации и структурирования общества. И богатство все сильнее начинали рассматривать как следствие высокого ранга, статуса или должности, а не наоборот.

Таким образом, в период примитивного сельского хозяйства завершается подготовка низовой структуры и форм неравенства будущего сословно-рангового (классового) общества. Позднее, в предгосударственное время резко усилилась роль более привычных форм структурирования: по социальным слоям или группам (сословия, касты, ранги), по близости к правителю, по участию в управлении обществом, по владению собственностью.

4. 3. Корпоративность как новая форма структурирования общества

Не имея более возможности анализировать различные способы структурирования постпервобытных обществ, я задержусь еще только на корпоративности. Её больше относят к классовым обществам, где указывают на такие кор-

порации как ремесленные цеха, религиозные ордена и т. п. Но корпоративность играет очень важную роль и для постпервобытности.

Корпоративность – это система объединения людей по каким-то общим им признакам в такие группы, которые могут выступать самостоятельно, иметь собственные интересы и достаточно жестко социализировать своих членов. Корпоративность в тот и последующий период имела особое значение, поскольку, оставаясь вне корпорации, человек обычно оказывался как бы и вне общества вообще. Любые корпорации заинтересованы в укреплении своих позиций и привилегий и объективно стремятся к своему воспроизводству.

В этот период родовые и семейно-родовые объединения начинают приобретать (иногда ярко выраженные) черты корпоративности. Это особо отмечают некоторые исследователи. Например, по мнению В. А. Попова, структурообразующими принципами рода, помимо более широко признаваемых унииности и экзогамности, надо считать и корпоративность⁵³. Такой подход, кстати говоря, позволяет увидеть еще одно важное отличие родового деления аграрных обществ по сравнению с доземледельческими.

В смысле отстаивания своих интересов родовые группы ничем не отличались от любой корпорации (а в некоторых планах, например кровной мести, и превосходили их). Длительное время они были, возможно, самым распространенным видом древних корпораций. Но род, линидж и прочие – корпорации недобровольные. Постепенно все заметнее становилась уже иная добровольная и полудобровольная корпоративность. А «гибкость социальной системы определялась большим количеством корпоративных объединений, к которым в случае необходимости мог апеллировать человек»⁵⁴. И непременно надо указать, что инициаторами создания и членами новых, неродовых

⁵³ Попов В. А. К вопросу о структурообразующих принципах рода и родовой организации. С. 18.

⁵⁴ Новожилова Е. М. Тайные союзы в старом Калабаре как институт консолидации городского сообщества. С. 34.

корпораций в первую очередь становились более энергичные и чем-то выделяющиеся люди, которым было тесно в рамках традиционных норм.

Таким образом, шли формирование и перетасовка различных видов группировок, объединений, коллективов, с тем чтобы выявить наиболее устойчивые и эффективные. И поскольку родовые группы были переходным типом корпораций, то понятно, что в качестве основных они постепенно заменяются другими.

Корпорации играли важную роль и в политогенезе, и в других процессах. Достаточно напомнить о дружинах и религиозных объединениях. Род и семья у знати и политической элиты часто выступали именно как корпорация. Корпорации ремесленников или торговые объединения часто являлись низовой структурой городов, составляя особые поселки, концы, части городов. Ярким выраженным типом корпораций были и разнообразные тайные общества (в том числе мужские и женские союзы), которым часто был свойственен акцент именно на разрыв с родовой структурой⁵⁵. Иногда и сельская община носит черты корпорации.

Таким образом, важно подчеркнуть, что **корпоративность являлась очень распространенной, а с учетом возможности отнести к корпорациям и родовые группы – повсеместной**. Если встать на позицию, что возникновение корпоративности было особым – одним из важнейших и универсальных – способом структурирования общества, то, следовательно, родовые группы можно поставить в ряд с другими корпорациями, в том числе территориальными, профессиональными, религиозными, социальными, военными и политическими. Значит, для многих научных задач будет важнее не собственно принципы организации родовых групп, а их корпоративные характеристики.

Кроме того, можно лучше представить общую картину баланса интересов различных групп-корпораций, вытекающего из их взаимодействия и борьбы. «Сотрудничество и

⁵⁵ См.: Новожилова Е. М. Традиционные тайные общества Юго-восточной Нигерии (Потестарные аспекты функционирования)... С. 110.

соперничество различных организаций и составляет основу политической жизни», – говорит Е. М. Новожилова о взаимодействии тайных обществ и иных групп в Нигерии⁵⁶. Но это относится и ко многим иным постпервобытным обществам, где не было тайных союзов, но были иные корпорации.

4. 4. Необходимость в дальнейших переменах в организации обществ

Если вдуматься, что представляло собой догосударственное общество, после того как сформировались указанные выше структурные единицы, то можно сказать, что это длительный период в значительной мере неупорядоченного, а в некоторых отношениях просто хаотического сосуществования родовых и иных групп, корпораций, объединений, поселений и т. п. Отношения между ними регулируются либо традициями, либо сдерживающим влиянием возможных ответных действий со стороны партнера (соседа). Но когда традиции размывались, тот, кто имел силу, часто их игнорировал или толковал по-новому, приобретая тем самым преимущества и выгоды.

С одной стороны, это открывало большие возможности для проявления инициативы, реализации заложенных в выдающихся людях потенциалов, для появления важных новшеств. Но с другой – настоятельно требовалась какая-то более мощная сила, которая бы хоть как-то скрепляла различные группы и ограничивала их действия, наказывая нарушителей. Особенно это могло быть важным для ремесла и торговли, где складывались большие богатства и где в процессе хозяйственной деятельности возникали сложные и не имеющие прецедентов отношения.

Отсутствие сдерживающей силы и нападения соседей часто создавало прямую опасность не только для имущества, но и для свободы и жизни. Это гнало людей в укрепленные пункты (что усиливало урбанизацию), под чью-то защиту, подталкивало к решению проблем своими силами

⁵⁶ Новожилова Е. М. Традиционные тайные общества... С. 109.

путем самоорганизации. Таким образом, требовался новый порядок. Для решения этой задачи общества в одних случаях шли путем сакрализации некоторых руководителей; кое-где создавалась жесткая система статусных рангов; иногда путем договоров улаживались подчиниться какой-то третьей стороне либо выборным людям. Во многих социумах возрастала роль того, что условно можно назвать судом и судьями. Кое-где в этой связи даже создавались своего рода устные своды законов с хранителями, держащими их в памяти.

И чем дальше развивались социумы, тем сильнее требовался новый порядок. В конечном счете, в результате политогенеза и ряда других постпервобытных процессов такой порядок возник. И он базировался на трех китах: государстве, идеологии и сословно-ранговом делении.

5. Укрупнение обществ и развитие межобщественных отношений

Тенденции на укрупнение обществ с началом аграрной революции и тем более с ее вторым этапом получают адекватную ей производственную базу, в результате чего этот процесс приобретает устойчивость и размах.

Надлокальные связи между отдельными общинами и коллективами ширились и укреплялись, шла интеграция обществ в разных видах, включая и полное объединение. Однако типы связей и преобладающие тенденции объединения не были одинаковыми. Немало, возможно, даже большинство обществ, оставались сегментарными, то есть они дробились на отдельные сегменты: роды, линиджи, подразделения линиджей, различные иные группы, но над всем этим не было прочного и оформленного единства. В этих социумах в «обычное время человек мыслит и действует, как член *наиболее мелких локальных групп*»⁵⁷. Но и такие сегментарные общества имели крепления, которые усиливались во время войн или общеплеменных действий.

⁵⁷ Эванс-Причард Э. Э. Нуэры. С. 132 (курсив мой. – Л. Г.).

Кроме того, были и горизонтальные связи в виде тех же возрастных групп или классов.

В каких-то случаях создавались иерархически организованные образования вроде вождейств. Но нередко связи были не иерархическими, а горизонтальными, в виде выделения определенных слоев и групп по сходным признакам и занятиям. Известны и конфедерации племен или общин. Общества могли объединяться по модели центр-периферия, но без жесткого подчинения⁵⁸. Важным было и создание верховных должностей, даже если они еще и не имели слишком большого влияния.

В некоторых регионах распространенным механизмом установления межобщественных связей были тайные общества (союзы). Только капитан Ф. Бетт-Томпсон описал в Западной Африке 150 таких союзов⁵⁹. Типы тайных обществ разнообразны, но многие принципы их образования и функционирования весьма похожи⁶⁰. Интересно, что существовали своего рода профессиональные тайные союзы (воинов, лекарей, танцевально-спортивные и другие)⁶¹. Некоторые тайные общества могли выступать в роли силы, предотвращающей вражду между крупными корпорациями⁶².

Но нельзя забывать, что все большую мощь приобретали такие объединительные силы, как война, торговля, этническая и религиозная консолидация. Могла иметь значение и социальная интеграция, когда, например, элита многих мелких обществ образовывала что-то вроде надсословного единства над ними.

⁵⁸ «Стратифицированное общество не является единственной альтернативой сегментарному. Промежуточное положение занимают общества, где власть распределена между большим количеством относительно независимых социальных институтов, организованных по родовому, территориальному или корпоративному принципу» (Новожилова Е. М. Традиционные тайные общества... С. 109).

⁵⁹ См.: Токарев С. А. Ранние формы религии. С. 314.

⁶⁰ Там же. С. 110–111.

⁶¹ См.: Новожилова Е. М. Традиционные тайные общества... С. 110.

⁶² В частности, так было в некоторых районах Нигерии с конца XVII в., когда тайное общество Эгбо координировало торговую и иную деятельность крупных объединений – торговых домов, стремясь сгладить остроту соперничества между ними. Монополией Эгбо было решение торговых споров и взимание долгов (см.: Новожилова Е. М. Тайные союзы в старом Калабаре... С. 37).

Сказанное еще раз подтверждает условность – при общеисторическом взгляде – деления на внутренние и внешние процессы, поскольку и те и другие способствовали созданию условий для увеличения обществ до необходимых для перехода к государствам и цивилизациям размеров. В этом плане многие внешние процессы можно рассматривать как внутренние.

6. Дополнительные замечания относительно описанных процессов

Проведенный анализ процессов и направлений развития, которые объективно способствовали поиску и отбору эффективных способов новой организации обществ и межобщественных отношений, естественно, получился очень неполным. Но помимо неполноты, необходимо признать, что в огромном потоке постпервобытного развития процессы можно выделять по самым разным основаниям. А с учетом того, что все они теснейше взаимосвязаны, условность выделения тех или иных универсальных моментов становится тем более очевидной.

Но, с другой стороны, такая условность еще сильнее подчеркивает, что в очень разнообразных и внешне, и по формам постпервобытных явлениях и процессах можно найти – на определенном уровне абстракции – немало общего и даже родственного. А раз они существенно сходны по своему генезису, эволюционной природе и месту, значит, могут при определенных условиях порождать, усиливать (ослаблять) и замещать друг друга.

Кроме того, из-за недостаточной концентрации нужных качеств и признаков очень долго процессы оставались весьма нечеткими и синкретическими. И лишь постепенно в них можно увидеть более ясные черты социогенеза, политогенеза, генезиса цивилизаций, этногенеза и т. п. Из сказанного следует, что, ни политогенез, ни тем более генезис государства (стейтогенез) не являлись и не могли являться длительное время ни чем-то ясно оформленным, ни существенно отличным от других процессов трансформации обществ.

Каждое общество в зависимости от природных и исторических условий, многих других объективных и случайных факторов приобретало те или иные, но, как правило, односторонние и неполные (с точки зрения будущего) формы упорядочения внутренних и внешних отношений. В одних случаях более интенсивно шли религиозные процессы, в других – имущественное расслоение или специализация, в третьих – выделялась аристократия, в четвертых – складывались профессиональные «военные кадры». Но комплексного развития не было. И поскольку эти новые формы были еще неполными и незрелыми, они относительно легко менялись и заменялись, а процессы перетекали друг в друга. Политическое объединение, например, могло содействовать выделению элиты, но затем элитарные интересы способны были разрушить единство. Кроме того, шла борьба за лидерство и вместе с ней шла смена элит.

И лишь постепенно среди обозначившихся процессов социогенеза, политогенеза и других стали выделяться и более узкие направления в виде складывания, например, особых сословий (варн, каст) или собственно стейтогенеза.

ЛИТЕРАТУРА

Альтернативные пути к ранней государственности. Международный симпозиум / Отв. ред. Н. Н. Крадин и В. А. Лынша. – Владивосток: Дальнаука, 1995.

Альтернативные пути к цивилизации / Под ред. Н. Н. Крадина, А. В. Кортаева, Д. М. Бондаренко, В. А. Лынши. – М.: Логос, 2000.

Артемова О. Ю. В очередной раз о теории «родового быта» и об «австралийской контроверзе» (25–50) / Ранние формы социальной организации.

Ахизер А. С. Город – фокус урбанизационного процесса (с. 21–28) / Город как социокультурное явление исторического процесса.

Бондаренко Д. М. Теория цивилизаций и динамика исторического процесса в доколониальной тропической Африке. – М.: Институт Африки РАН, 1997.

Васильев Л. С. Становление политической администрации (от локальной группы охотников-собирателей к протогосударству-чифдом) // Народы Азии и Африки. – 1980. № 1.

Годинер Э. С. Политическая антропология о происхождении государства. С. 51–78 / Этнологическая наука за рубежом: проблемы, поиски, решения. – М.: Наука, 1991.

Город как социокультурное явление исторического процесса – М.: Наука, 1995.

Гринин Л. Е. Политогенез: генеральная и боковые линии (доклад на Международной конференции «Иерархия и власть в истории цивилизаций». Москва. 15–18 июня 2000). – Волгоград, 2000.

Гринин Л. Е. Формации и цивилизации // *Философия и общество*. – 1997–2001.

История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. – М.: Наука, 1983.

История древнего мира: В 3 кн. – Кн. 1. Ранняя древность. Изд. 3-е, исправленное и дополненное. – М.: Наука, 1989.

История первобытного общества. Эпоха классовообразования. – М.: Наука, 1988.

Крадин Н. Н. Введение. От однолинейного взгляда на происхождение государства к многолинейному / *Альтернативные пути к ранней государственности*.

Коротасев А. В. От государства к вождеству? От вождества к племени? (некоторые общие тенденции эволюции южноаравийских социально-политических систем за последние три тысячи лет) С. 224–302 / *Ранние формы социальной организации*.

Кочакова Н. Б. Раннее государство и Африка (аналитический обзор публикаций Международного исследовательского проекта «Раннее государство»). – М.: Институт Африки РАН, 1999.

Леви-Строс К. Первобытное мышление / Пер. с фр.–М.: Республика, 1994.

Львова Э. С. Складывание эксплуатации и ранней государственности у народов бассейна Конго (151–154) / *Альтернативные пути к ранней государственности*.

Малиновский Б. Магия и религия / Пер. с англ. С. 509–534 / *Религия и общество*. – М.: Аспект Пресс, 1996.

Массон В. М. Первые цивилизации. – Л.: Наука, 1989.

Новожилова Е. М. Тайные союзы в старом Калабаре как институт консолидации городского сообщества (с. 33–37) / *Африка: общества, культуры, языки (традиционный и современный город в Африке)*. Материалы выездной сессии научного совета, состоявшейся в Санкт-Петербурге 5–7 мая 1998 г.). – М.: Институт Африки, 1999.

Новожилова Е. М. Традиционные тайные общества Юго-восточной Нигерии (Потестарные аспекты функционирования) / *Ранние формы социальной организации*.

Попов В. А. К вопросу о структурообразующих принципах рода и родовой организации / *Ранние формы социальной организации*.

Ранние формы социальной организации. Генезис, функционирование, историческая динамика / Сост. и отв. ред. В. А. Попов. – СПб, 2000.

Рэдклифф-Браун А. Табу / Пер. с англ. С. 421–438 / *Религия и общество*. – М.: Аспект Пресс, 1996.

Сайко Э. В. Город как особый организм и фактор социокультурного развития (с. 9–21) / Город как социокультурное явление исторического процесса.

Токарев С. А. Ранние формы религии. М.: Политиздат, 1980.

Фрезер Дж. Типы магии / Пер. с англ. С. 486–509 / Религия и общество. – М.: Аспект Пресс, 1996.

Чернецов С. Б. Влияние урбанизации на развитие эфиопской сфрагистики (с. 50–54) / Африка: общества, культуры, языки (традиционный и современный город в Африке). Материалы выездной сессии научного совета, состоявшейся в Санкт-Петербурге 5–7 мая 1998 г.). – М.: Институт Африки, 1999.

Эванс-Причард Э. Э. Нуэры. Описание способов жизнеобеспечения и политических институтов одного из нилотских народов / Пер. с англ. – М.: Наука, 1985.

Adams R. The Evolution of Urban Society: Early Mesopotamia and Prehistoric Mexico. – Chicago, 1966.

Alternatives of Social Evolution. – Eds. by N. N. Kradin, A. V. Korotaev, D. M Bondarenko V. de Munsck and P. K. Wason. – Vladivostok: FEB RAS, 2000.

Alternative Pathways to Early State (International Symposium) / Eds N. N. Kradin & V. A. Lynsha. – Vladivostok: Dal`nauka, 1995.

Artemova O. Y. Initial Phases of Politogenesis / Civiizational Models of Politogenesis.

Berent M. The Stateless Polis: the Early State and the Ancient Greek Community (p. 225–241) / Alternatives of Social Evolution.

Carneiro R. A Theory of the Origin of the State // Science, 1970. 169. P. 733–738.

Civilizational Models of Politogenesis / Eds. of vol. D. M. Bondarenko, A. V. Korotaev. – Moscow, 2000.

Claessen H. J. M. Problems, Paradoxes, and Prospects of Evolutionism / Alternatives of Social Evolution.

Cohen R. Introduction / Origins of the state - Eds. R. Cohen, E. R. Service.– Philadelphia. –1978.

Earle T. K. Hawaiian Islands (AD 800–1824). P. 73–86 / Civiizational Models of Politogenesis.– Moscow, 2000.

Fried M. H. The Evolution of Political Society. – N.Y., 1967.

Fried M. H. The State, the Chicken, and the Egg; or What Came First? / Origins of the State -Eds. R. Cohen, E.R. Service.– Philadelphia, 1978.

Haas J. The Roads to Statehood (p. 16–18) / Alternative Pathways to Early State.

Sahlins M. D. Political Power and the Economy in Primitive Society (p. 390–415) / Essays in the Science of Culture – Eds. G. E. Dole & R. L. Carneiro. – N.Y., 1960.

Sahlins M. D. Stone Age Economics. – Chicago, 1972.

Service E. R. Classical and Modern Theories of the Origins of Government (p. 21–34) / Origins of the State -Eds. R. Cohen, E. R. Service.– Philadelphia, 1978.

Service E. R. Origins of the State and Civilization. The Process of Cultural Evolution. – N.Y., 1975.

The Early State / Eds. Claessen H. J. M. & Scalnik P. – The Hague, 1978.

The Study of the State / Eds. Claessen H. J. M. & Scalnik. – The Hague, 1981.

Trepavlov V. V. The Nogay alternative: from state to a chiefdom and backwards (p. 144–151) / *Alternative Pathways to Early State*.

Wason P. K. Social Types and the Limits of Typological Thinking in Social Archaeology (p. 19–27) / *Alternative Pathways to Early State*.

Wittfogel K. A. Oriental Despotism. – New Haven, 1957.